

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЕРЕПИСКЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии была ключевым событием всей Второй мировой войны. Именно от ее исхода зависели как результаты этого грандиозного противоборства, так и его последствия. Советско-германский фронт являлся определяющим театром военных действий всей войны на протяжении почти четырех наиболее тяжелых лет борьбы. По существу послевоенное будущее человечества, его последующая история решались на полях сражений России, Украины и Беларуси.

С началом германского вторжения на территорию СССР возник вопрос о сотрудничестве Советского Союза с государствами, которые к этому времени либо находились в состоянии войны с Германией и ее союзниками, каковой являлась Великобритания, либо сочувствовали им и поддерживали борьбу против фашизма как, например, Соединенные Штаты Америки. Вопрос этот был далеко неоднозначный в силу полярного отношения различных политических сил в означенных западных странах к общественно-политическому строю в СССР, в особенности. Тем не менее, серьезность угрозы нависшей над миром со стороны агрессивных государств и осознание того, что без объединения усилий эту угрозу устранить невозможно, объективно требовали согласования позиций и объединения ресурсов для борьбы с гитлеризмом всех стран стоявших на антифашистских позициях.

В этих условиях Вторая мировая война, начавшаяся как столкновение межимпериалистических противоречий европейских государств, превращалась в войну справедливую, освободительную, прогрессивную для всех стран которые выступили против блока держав во главе с гитлеровской Германией, независимо от характера их внутреннего общественно-политического строя. Это обстоятельство послужило основой для образования антигитлеровской коалиции государств в годы войны.

В налаживании и развитии этого процесса объективных тенденций борьбы добра против зла, прогресса против реакции, немаловажную, если не первостепенную, роль имело личное общение руководителей государств. На начальном этапе Великой Отечественной войны это осуществлялось путем

переписки между главами правительств СССР, Великобритании и США. Это происходило преимущественно путем обмена шифрованными телеграммами через посольства Советского Союза в Лондоне и Вашингтоне, а также через посольства Великобритании и США в Москве. Телеграммы расшифровывались в посольствах и тексты посланий передавались адресату, как правило, на языке подлинника. Отдельные послания доставлялись по назначению дипломатической почтой или ответственными представителями соответствующих держав.

Хронологически переписка между руководителями Великобритании и СССР началась раньше аналогичного процесса во взаимоотношениях американского и советского руководства. Здесь можно было бы отметить, что после подписания 22 июня 1941 г. Францией перемирия с Германией, Англия на европейском континенте осталась в одиночестве в войне со странами фашистского блока. Ситуация казалась безнадежной. Отношения с Советским Союзом оставались неудовлетворительными. Стремясь сделать их более приемлемыми У. Черчилль назначает в Москву нового посла. Им стал Стаффорд Криппс. 1 июля 1940 г. во время встречи со Сталиным посол передал ему личное послание премьер-министра. В нем У. Черчилль обратился к советскому руководству с предложением построения гармоничных и взаимовыгодных двусторонних отношений и сообщил, что Англия твердо решила бороться против гегемонии Германии, которая угрожает Европе [1, с. 507–509].

Позиция правительства Великобритании в начавшейся войне гитлеровской Германии против Советского Союза была высказана У. Черчиллем в его выступлении по радио 22 июня 1941 г. Обращает на себя внимание также тот факт, что прибывший накануне из Вашингтона американский посол в Лондоне Д. Уайнант привез Черчиллю известие от Ф.Д. Рузвельта, что президент поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника» [2, с. 325].

Рассматривая же специфику и особенности политики Великобритании на советском направлении в годы войны нельзя не обратить внимание и на один весьма интересный вывод к которому пришел посол СССР в Соединенном Королевстве И. Майский, более восемнадцати лет находившийся на дипломатической работе в этой стране. В своих воспоминаниях он подчеркнул, что «полной ясности отношений между Лондоном и Москвой не было на протяжении всей войны» [1, с. 521].

Но 22 июня 1941 г. У. Черчилль заявил: «Я вижу русских солдат, стоящих на рубежах родной страны, охраняющих землю, которую их отцы населяли со времен незапамятных, я вижу нависшую над ними немецкую военную машину, тупую, вымуштрованную, послушную, жестокую армаду нацистской солдатни, надвигающуюся как стая саранчи. И за ними я вижу ту кучку негодяев, которые планируют и организуют весь этот водопад ужаса, низвергающегося на человечество. У нас, в Великобритании, только одна цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и малейшие следы

нацистского режима ... Мы поможем России и русскому народу всем, чем только сможем. Опасность для России – это опасность для нас и для Америки, и борьба каждого русского за свой дом и очаг – это борьба каждого человека в любом уголке земного шара» [2, с. 326].

Вместе с тем, давая оценку позиции У. Черчилля на новом этапе Второй мировой войны, не следует упускать из виду и другие мысли, высказанные им в этом выступлении по радио: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма... За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова которое я сказал о нем» [2, с. 327].

Все это следует иметь ввиду рассматривая позицию руководимого Черчиллем правительства при рассмотрении разного рода вопросов в рамках созданной в будущем антигитлеровской коалиции и точку зрения которой придерживался премьер-министр в процессе переговоров на высшем уровне, равно как и в его переписке с И. В. Сталиным в годы войны. Здесь У. Черчилль зарекомендовал себя как жесткий и в тоже время гибкий и расчетливый прагматичный политик. Как, например, пишет в своих воспоминаниях И. Майский, Черчилль был несколько обижен тем, что И. Сталин никак не откликнулся на его речь по радио 22 июня, но решил все-таки первым сделать шаг для установления более дружественных отношений с главой Советского правительства. В итоге, 8 июля в Москве было получено первое послание из Лондона.

Становление союзнических отношений требовало координации усилий по широкому кругу вопросов. Уже на шестой день войны, 27 июня, в Москву прибыли военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Фрэнком Мэйсон Макфарланом и экономическая миссия во главе с Лоурэнсом Кэдбери для осуществления на практике сотрудничества между двумя странами и решения вопросов, связанных с оказанием Англией военно-технической помощи Советскому Союзу. Советская военная миссия во главе с генералом Ф. И. Голиковым прибыла в Лондон 8 июля 1941 г. [3, с. 449].

В налаженной в июле 1941 г. переписке между руководителями СССР и Великобритании поднимался широкий круг вопросов как военно-экономических, стоявших в силу сложившихся обстоятельств на первом месте, так и внешнеполитических. У. Черчилль восхищался мужеством советских людей и упорным сопротивлением воинов Красной Армии. Вкладом Англии в общую борьбу он считал бомбовые удары по германской территории сотен тяжелых бомбардировщиков, осуществлявших их как днем, так и ночью. Об этом говорилось в первом послании премьер-министра. На обсуждение выносились и другие вопросы. «Адмиралтейство, – писал Черчилль, – подготовило серьезную операцию, которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике, после чего, я надеюсь, будет установлен контакт между британскими и русскими военно-морскими силами» [3, с. 17].

У. Черчилль согласился также с ранее высказанным Сталиным в беседе с послом Ст. Криппсом пожеланием о подписании совместной декларации

о взаимопомощи. В результате 12 июля нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и посол Великобритании Ст. Криппс подписали в Москве соглашение о совместных действиях в войне против Германии, в котором стороны гарантировали друг другу взаимную помощь и поддержку и обязались «ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия» [4, с. 130–132].

Ответное послание И. Сталина на два предыдущих письма Черчилля было отправлено 18 июля. Здесь следует отметить, что в годы войны в дипломатический обиход вошла новая практика общения глав правительств, практика обмена прямыми посланиями по наиболее важным вопросам в обход обычных дипломатических инстанций. По мнению У. Черчилля, который был инициатором этого начинания «нормальные дипломатические каналы» слишком медлительны и многоступенчаты. Терялся нужный темп и драгоценное время столь необходимое для решения экстренных вопросов [1, с. 537].

Главным содержанием письма Сталина была постановка вопроса об открытии второго фронта. «Мне кажется, – отмечалось в послании, – что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)» [3, с. 19].

Повторно вопрос об открытии второго фронта в 1941 г. Сталин поставил в письме Черчиллю от 3 сентября. На сей раз предпочтение в открытии военных действий союзников было отдано балканскому направлению, западному (Франция) – второе. Главная задача состояла в том, чтобы оттянуть 30–40 дивизий с советско-германского фронта. Потеря промышленной базы юга Украины и ленинградской промышленности, как пишет Сталин, «поставило Советский Союз перед смертельной угрозой». Кроме открытия второго фронта Сталин также ставит вопрос об увеличении поставок критически важной промышленной продукции, в частности, обеспечить к началу октября доставку 30 тыс. тонн алюминия с тем, чтобы как-то компенсировать потерю продукции аналогичного производства в Украине, столь нужного для авиационной промышленности, а также довести ежемесячную помощь в самолетах и танках до 500 единиц каждого вида вооружения. «Без этих двух видов помощи, – говорится в послании, Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом» [3, с. 29].

Ответы У. Черчилля на поставленные вопросы были не весьма обнадеживающими. Весь их смысл сводился к тому, что кроме акций в воздухе, Англия своими сухопутными силами самостоятельно открыть второй фронт не в состоянии. Видимо подобная аргументация способствовала появления у Сталина другого предложения об активной военной помощи Советскому Союзу. «Мне кажется, – писал он британскому премьер-министру, – что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или

перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии» [3, с. 32].

Вопрос о втором фронте не потерял своей актуальности и в 1942 г., когда Германия предприняла новое массированное наступление на фронте. Укреплению межсоюзнических отношений способствовало подписание 26 мая 1942 г. советско-английского договора «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны», а также переговоры наркома иностранных дел В.М. Молотова с руководителями Великобритании и США. Следует иметь в виду, что США с декабря 1941 г. стали участником Второй мировой войны. В англо-советском коммюнике от 12 июня 1942 г. было записано, что «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Это же самое значилось и в советско-американском коммюнике [4, с. 283-285].

Однако, уже месяц спустя, в послании И.В. Сталину от 18 июля Черчилль пишет о планах союзников по созданию «действительно сильного второго фронта в 1943 году» [3, с. 66]. Ответная реакция Сталина была вполне предсказуемой: «Что касается ... вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер» [3, с. 69].

В одном из посланий британского премьер-министра, полученных в Москве в августе 1942 г. прямо говорится: «Самым лучшим видом второго фронта в 1942 году, единственно возможной значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является «Факел». Если эта операция сможет быть осуществлена в октябре, она окажет больше помощи России, чем всякий иной план. ... Самым разумным методом было бы ... провозгласить «Факел», когда он начнется, как второй фронт [3, с. 75, 76].

Операция «Факел» была осуществлена союзниками в ноябре 1942 г. и заключалась в высадке английских и американских войск в Северо-Западной Африке. Объединенными силами командовал американский генерал Д. Эйзенхауэр. Только со стороны Великобритании, как сообщал У. Черчилль Сталину, принимало участие 240 военных кораблей и более полумиллиона человек личного состава различных родов войск [3, с. 8].

Подобная точка зрения правительства Великобритании была изложена советскому руководству и во время визита У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. 12 августа он официально поставил советское правительство в известность о невозможности открытия второго фронта в Западной Европе в текущем году. Энергичные протесты И. Сталина, указание на то, что это было согласованное решение союзников и СССР строил свои планы летне-осенних операций с учетом создания второго фронта в Европе в 1942 г. не возымели действия. В своем ответном послании от 14 августа Черчилль писал, что ни

Великобритания, ни США не нарушили никакого обещания. В процессе переговоров с Молотовым ему было заявлено, что существуют весьма малые шансы на реализацию этого плана. В соглашении отмечалось: «Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже было ранее разъяснено, главным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных средств. Однако ясно, что если бы мы ради того, чтобы предпринять действия любой ценой, пустились бы на некоторую операцию, которая окончилась бы катастрофой и дала бы противнику возможность торжествовать по поводу нашего провала, то это не принесло бы пользы ни делу русских, ни делу союзников в целом. Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок. Поэтому мы не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но, если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы». (3, с. 73–76, 452).

Участник переговоров о втором фронте в апреле 1942 г. будущий генерал армии США, в то время офицер Отдела военного планирования Министерства обороны, А. Ведемейер составил весьма характерное наблюдение за делегацией Великобритании: «Англичане, – писал он, – вели переговоры мастерски. Особенно выделялось их умение использовать фразы и слова, которые имели более одного значения и допускали более чем одно толкование. Это была постановка в классическом стиле Макиавелли. Я не утверждаю, что стремление обмануть было личной характерной чертой того или иного участника переговоров. Но когда дело шло о государственных интересах, совесть у наших английских партнеров по переговорам становилась эластичной... Я был свидетелем английского дипломатического искусства в его лучший час, искусства, которое развивалось в течение столетий успешных международных интриг и обмана, сочетающегося с лестью. [2, с. 336–337].

В своем выступлении по радио 22 июня премьер-министр Великобритании заявил, что его страна окажет СССР в начавшейся войне «всю помощь, какую только сможет». Однако, никаких конкретных обязательств Англия на себя не брала. Слова Черчилля были исключительно политической декларацией. И этому имелись определенные объяснения. Дело в том, что так называемые «информированные круги» в Англии, куда входили как представители политических сил, так и высокопоставленные военные, были убеждены, что Советский Союз не выдержит длительного сопротивления с Германией и в скором времени капитулирует. Еще накануне войны, 16 июня 1941 г., новый британский посол в Москве Ст. Криппс сообщал в Лондон, что «среди дипломатов аккредитованных в Москве, преобладает мнение, что Россия не сможет противостоять Германии более трех или четырех недель», а начальник Имперского Генерального штаба генерал Д. Дилл в беседе с министром иностранных дел А. Иденом полагал, «что было бы неразумным рассчитывать больше, чем на шесть или семь недель» [5, с. 228–229].

Но правящие круги Великобритании любую ситуацию стремились использовать, прежде всего для своей выгоды. «У меня было убеждение, что если даже на протяжении короткого времени немцы будут нести в России потери в объеме, превышающем их теперешние потери, то это в какой-то степени облегчит напряжение, испытываемое нами», – писал впоследствии о своих размышлениях того времени А. Иден [5, с. 229].

Поддержка Англией Советского Союза в первые недели войны сводилась главным образом к активизации ударов английской авиации по территории Германии. Новые тенденции в налаживании более тесного сотрудничества появились после Атлантической конференции – встречи У. Черчилля и Ф. Рузвельта 9–12 августа 1941 г. на борту британского линкора «Принц Уэльский» в бухте Арджентия канадского острова Ньюфаундленд. На Атлантической конференции был обсужден вопрос и о поставках военных материалов Советскому Союзу. Накануне конференции, в июле 1941 г., Москву посетил личный представитель президента США Гарри Гопкинс. Его дважды принимал И. Сталин – 30 и 31 июля. Последняя беседа длилась два часа [4, с. 139].

Гопкинс стремился выяснить вопрос о потребностях Советского Союза для организации более эффективной борьбы с противником и добиться ответа на то, что больше всего волновало президента США – как долго сможет Советский Союз оказывать сопротивление гитлеровской агрессии. Что же касается поставок СССР средств вооруженной борьбы то, заявил Гопкинс, такое вряд ли возможно до того, как состоится специальная конференция представителей трех правительств в ходе которой будут совместно полностью изучены и определены интересы каждой из стран в этой войне. В сложившейся же в то время ситуации на советско-германском фронте Гопкинс считал такую конференцию проводить нецелесообразно. Он хотел отодвинуть срок ее начала до ясности исхода происходивших на фронте сражений, не желая таким образом связывать США и Англию определенными обязательствами раньше чем будет стабилизирован фронт. В итоге была достигнута договоренность о проведении таких переговоров в период между 1 и 15 октября 1941 г. [6, с. 97].

Увиденное и обстоятельные беседы со Сталиным произвели на Гопкинса огромное впечатление, о чем он и сообщил Ф. Рузвельту: «Я глубоко уверен в этом фронте, моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твердая решимость победить». В своем отчете президенту Г. Гопкинс писал: «Теперь англо-американские расчеты не могут больше основываться на возможности скорого крушения России. После этого весь подход к проблеме должен серьезно измениться» [7, с. 188; 6, с. 90].

Посетив Москву, Гопкинс пришел к выводу, что Советский Союз способен не только выдержать натиск врага, но и нанести ему в дальнейшем серьезные удары. Его доклад правительству США и лично президенту во многом способствовал формированию последующего курса администрации

Рузвельта по оказанию помощи Советскому Союзу в борьбе против агрессии. Поездка Гопкинса открыла дорогу для практических шагов американского и английского правительств в этом направлении.

После конференции в Арджентии У. Черчилль и Ф. Рузвельт направили И. Сталину совместное послание: «Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того, чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем» [3, с. 25].

Для выработки конкретной программы военных поставок в СССР по согласованию союзников в Москве решено было созвать трехстороннюю конференцию представителей СССР, США и Великобритании. Она проходила с 29 сентября по 1 октября 1941 г. Советскую делегацию возглавлял В. М. Молотов, американскую А. Гарриман, британскую лорд У. Бивербрук [3, с. 451].

Как сообщал И. Сталину У. Черчилль: «По идее президента Рузвельта... первый план должен охватить период до конца июня, но мы, естественно, будем продолжать оказывать Вам помощь до достижения победы». Он также подчеркивал, что для обеспечения военных поставок «Мы намерены обеспечить непрерывный цикл конвоев, которые будут отправляться с промежутками в десять дней. ... При организации этого регулярного цикла конвоев мы рассчитываем, что Архангельск будет принимать главную часть поставок» [3, с. 33, 39].

Вопрос об организации военных поставок был одним из важнейших в переписке Сталина и Черчилля на начальном этапе войны. Остро стояла и проблема безопасности конвоев. Премьер-министр отмечал в послании от 18 июля 1942 г., что союзники «...начали отправлять в Северную Россию небольшие конвои судов в августе 1941 года, и до декабря немцы не предпринимали каких-либо шагов для того, чтобы помешать им. С февраля 1942 года размер конвоев был увеличен, и тогда немцы перебросили в Северную Норвегию значительные силы подводных лодок и большое количество самолетов и начали предпринимать решительные нападения на конвои» [3, с. 6].

Конвоирование судов считалось основным способом обеспечения их безопасности на переходе океаном. Главнокомандующий американскими ВМС адмирал Э. Кинг даже утверждал в 1942 г., что «конвой – это не один из путей защиты торгового судоходства, а единственный путь» [7, с. 324].

Обеспечение безопасности судоходства в Северной Атлантике, в том числе и безопасности арктических конвоев, ложилось преимущественно на британский флот, который осуществлял ее с предельным напряжением сил. На первом месте для англичан безусловно было обеспечение ввоза в страну

товаров и ресурсов от которых зависел весь процесс жизнедеятельности всего Соединенного Королевства. Если, например, в 1941 г. импорт на Острова составлял 30,5 млн. т, то к концу следующего года он снизился до 23 млн. т [7, с. 322]. Отсутствие достаточного количества транспортных и военных кораблей, – писал У. Черчилль И. Сталину 24 ноября 1942 г., – заставило союзников сократить трансатлантические перевозки. «Для Вас, – говорилось в послании, – располагающим столь большим количеством суши, может оказаться трудным представить себе, что мы можем жить и вести борьбу только в зависимости от состояния наших морских коммуникаций» [3, с. 96].

В этих условиях командование британского флота к обеспечению безопасности кораблей, идущих в советские порты, можно сказать, в том числе и по политическим мотивам, иногда относилось как к обузе. В мае 1942 г. первый морской лорд и начальник штаба флота Великобритании Д. Паунд писал вышеупомянутому американскому адмиралу: «Конвои в Россию превращаются в привязанный у нас на шею камень, и постоянно приводят к потерям, как в крейсерах, так и в эскадренных миноносцах» [9, с. 383].

Главной угрозой для судоходства являлась немецкая авиация, базирующаяся на аэродромах в Норвегии. Особенно трагичной была судьба конвоя PQ-17 отправившегося к советским берегам из Шотландии 27 июня 1942 г. Конвой проходил через северные широты в условиях полярного дня. Ошибки в действиях его военного прикрытия привели к тому, что несмотря на преимущество в силах союзники потеряли 22 транспортных корабля из 34 и оба спасательных судна [8, с. 252].

Гибель столь большого количества судов, на которых находились столь необходимые для Советского Союза материалы, в период, когда Германия предприняла масштабное наступление на южном крыле советско-германского фронта, была весьма существенной потерей для СССР. Реакция И. Сталина была вполне однозначной: «Приказ Английского Адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым. ... Во всяком случае я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь ... в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте» [3, с. 69].

В послании Сталину от 18 июля У. Черчилль пишет, что в нынешних условиях «при постоянном дневном свете попытка направить следующий конвой PQ-18 не принесла бы Вам пользы и нанесла бы только невозместимый ущерб общему делу». Здесь же премьер-министр предлагает некоторые грузы переправлять через Персидский залив и Иран [3, с. 66]. И. Сталин на это заметил, что «подвоз через персидские порты ни в коей мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем» [3, с. 69].

Советскому правительству была хорошо известна низкая пропускная способность иранских портов и железных дорог. Об этом были осведомлены и в Лондоне. Выступая, например, 25 сентября 1942 г. на заседании комитета

начальников штабов министр иностранных дел Великобритании, А. Иден привел весьма тревожные статистические данные об объеме помощи Советскому Союзу, оказываемой по южному маршруту. Из 34500 т грузов, которые по плану должен был получить СССР в июне 1942 г. фактически было доставлено только 16000 т, то есть меньше половины. В следующем месяце, в июле, аналогичные показатели были еще хуже – 15000 т вместо 45000, а в августе – 27000 т вместо 52500. К концу ноября 1942 г. в портах Персидского залива должно было скопиться 100000 т грузов ждущих своей отправки в СССР [10, с. 53].

Не лишним было бы обратить внимание еще на одну сторону союзнических поставок в СССР – качество транспортных перевозок. В условиях войны обеспечить их на надлежащем уровне было практически невозможно. Хотя если учесть, какой ценой была оплачена доставка каждой тонны продукции, к этому нужно было стремиться. Именно это имел в виду советский руководитель в письме У. Черчиллю 8 ноября 1941 г.: «Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде» [3, с. 43].

Одним из важнейших итогов советско-английских отношений начального периода Великой Отечественной войны, который нашел свое отражение в майской переписке И. Сталина и У. Черчилля является подписание 26 мая 1942 г. в Лондоне «Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством в Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» [4, с. 270–273]. Подписание этого договора явилось завершением переговоров министра иностранных дел Великобритании Антони Идена в Москве в декабре 1941 г. Срок действия обязательств, относящихся к послевоенному времени устанавливался по предложению английской стороны в 20 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майский, И. М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. – М. : Наука, 1971. – 711 с.
2. *Трухановский, В. Г.* Уинстон Черчилль. – М. : Междунар. отношения, 1982. – 464.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г.–ноябрь 1945 г.). – 472 с.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. – ОГИЗ. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – Т. 1 (22 июня 1941 г. –31 декабря 1943 г.). – 803 с.

5. *Трухановский, В. Г.* Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30–50-е годы / В. Г. Трухановский. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 424 с.
6. *Бережков, В. М.* Страницы дипломатической истории / В. М. Бережков. – М. : Междунар. отношения, 1984. – 616 с.
7. Вторая мировая война. Краткая история. – М. : Наука, 1984. – 592 с.
8. *Кузнецов Н.Г.* На флотах боевая тревога. – М. : Воениздат, 1971. – 320 с.
9. *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия, июнь 1941–август 1942 г. / Дж. Батлер, Дж. Гуайер. – М. : Воениздат, 1967. – 566 с.
10. *Говард М.* Большая стратегия / М. Говард. – М. : Воениздат, 1980. – 464 с.